

КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

И. И. Лукашук *

История так уж распорядилась, что Конституция России была принята всенародным голосованием в период Десятилетия международного права ООН. Забегая вперед, скажу, что в целом Конституция отвечает духу Десятилетия.

Несмотря на углубляющуюся взаимосвязь международной и национальной жизни, остается непререкаемым принцип, согласно которому государство в силу суверенитета свободно выбирать свою политическую, социальную и культурную систему, а также устанавливать законы. Суверенность правовой системы государства находит выражение и в том особом статусе, которым обладает конституция. В Конституции России (ст. 15.1) говорится, что она имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации. В силу этой статьи ни одна правовая норма, в том числе и вытекающая из международных обязательств, не должна противоречить Конституции. Это правило присуще не только давним конституционным системам, таким, как в США, но и новым, таким, например, как во Франции¹.

Закрепив право государства определять свою правовую систему, международное право вместе с тем установило, что при осуществлении суверенных прав, включая право устанавливать законы, государства соотнобязуются со своими обязательствами по международному праву. Право определять правовую систему включает и право выбирать методы обеспечения реализации международных норм на национальном уровне. В резолюции Института международного права, принятой в 1993 году, говорится, что "в принципе именно правовая система каждого государства определяет наиболее подходящие пути и средства обеспечения того, чтобы международное право применялось на национальном уровне"². Международное право основано на уважении суверенности национальных правовых систем, призвано

---

* Доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН. Сведения об авторе см. СЖМП. — 1991. — № 3/4.

защищать их от вмешательства извне, создавать благоприятные внешние условия для их функционирования.

Наряду со стабильными законами взаимодействия международного и национального права необходимо принимать во внимание и динамические процессы в этой области. Интернационализация общественной жизни ведет к сближению материальных и духовных условий существования людей, а это влечет за собой сближение правовых систем. Содействует тому и внешняя среда, в которой государствам приходится объединять усилия во имя совместного решения глобальных проблем. Сегодня и в нашей стране пишут о возможности формирования "общечеловеческого права"³. Процесс глобализации права приобретает все большее практическое значение, активно обсуждается теоретиками⁴. Отмеченный процесс затрагивает и конституционное право. Несмотря на все многообразие, современные конституции обнаруживают множасьщееся число общих моментов.

Взаимозависимость государств требует, чтобы социально-экономические и политико-правовые системы государств были совместимы как друг с другом, так и с международной системой. Они должны строиться как части единого международного сообщества с тем, чтобы быть пригодными для широкого взаимодействия во имя выживания каждого государства и сообщества в целом. В одиночку выжить нельзя. К тому же по мере роста роли общих интересов возрастает значение общечеловеческих ценностей, лежащих в основе международного права. Государство и право — главные составные механизма регулирования взаимодействия страны с внешней средой. Рост роли международных отношений и их влияния на жизнь национальных обществ ведет к тому, что национальные правовые системы все в большей степени строятся с учетом требований внешней среды и международного права.

Сближение конституционного права происходит прежде всего в наиболее важной сфере — в сфере прав человека. В своей совокупности права человека определяют характер политико-правовой системы, ее демократизм. Важную роль в этом отношении играют и такие демократические принципы, как разделение властей, господство права и т.п. Нельзя в этой связи не обратить внимание на ту роль, которая принадлежит международному праву в утверждении прав и свобод человека в национальном праве и, следовательно, в его демократизации. Российская Конституция — одно из убедительных свидетельств тому. Конституция не только ввела в национальную систему весь комплекс закрепленных международным правом основных прав и свобод человека, но и предусмотрела возможность использования международно-правового механизма их защиты. Закреплено право каждого обращаться в межгосударственные органы по защите прав человека в соответствии с международ-

ными договорами России при условии исчерпания местных средств защиты (ст. 46.3).

Таким образом, происходит определенная интеграция конституционного и международного права. В ее основе лежит принцип демократии⁵, содержание которого сформулировано в Парижской хартии для новой Европы 1990 года. В соответствии с данным принципом государства должны "строить, консолидировать и укреплять демократию как единственную систему правления". Обеспечение демократии рассматривается как одна из главных целей сотрудничества государств, которые "будут сотрудничать и оказывать друг другу поддержку с целью сделать демократические завоевания необратимыми"⁶.

В общем можно сказать, что сегодня благополучие человечества зависит от создания демократического сообщества демократических государств.

Думается, что Конституция России отвечает этой цели. Уже в преамбуле речь идет о незыблемости демократической основы государственности России. Особого внимания заслуживает закрепление того факта, что народ принимает Конституцию, "сознавая себя частью мирового сообщества". Это положение устанавливает новое отношение нашего государства к окружающему миру. Покончено с ситуацией, когда страна считала себя осажденной крепостью в окружавшем ее враждебном мире⁷. Меняется характер взаимодействия с внешней средой. Конституция сконструирована с учетом необходимости обеспечить активное участие России в делах международного сообщества, содействовать его перестройке на демократических принципах. Этим определяется и характер конституционных принципов и норм, относящихся к международному праву.

Не могу вместе с тем не отметить, что внимание к международному праву далеко не сразу нашло отражение в проектах Конституции, особенно в тех, что создавались без участия юристов-международников. Напомню, что представленный Президентом первоначальный проект обходил международное право молчанием⁸. В проекте Конституционной комиссии содержались беспомощные декларации о праве вступать в союзы и о намерении соблюдать нормы международного права (ст. 10 и 11). Только в ходе Конституционного совещания летом 1993 года удалось включить в проект ряд важных положений о международном праве.

После принятия Конституции руководство страны не раз подчеркивало свою решимость проводить политический курс, отвечающий закреплённой в ней принципиальной позиции. Б.Н. Ельцин говорил: "Наш основополагающий ориентир в мире — международное право. Россия будет твердо следовать его нормам и принци-

пам. Считаю, что именно такой путь наиболее эффективен для защиты национальных интересов"⁹.

В Конституции России нашла отражение идея, которая характерна для современных конституций государств Европы. Например, в Конституции Италии (ст. 10.1) она сформулирована следующим образом: "Итальянская правовая система соответствует общепризнанным принципам международного права". Принципиальная позиция России выражена в статье 15.4, которая не декларирует верность международному праву, а создает юридические гарантии реализации его норм: "Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Эта статья впервые в нашей истории определила характер взаимосвязи международного и национального права и сделала это на современном уровне. От взаимодействия этих двух систем права зависит эффективность обеих.

Наряду с интернационализацией национального права развивается процесс интернализации, или доместикации, права международного. Значительное число международно-правовых норм предназначается для конечной реализации в сфере действия национального права, в чем и проявляется зависимость международного права от национального. Существенно расширяется круг государственных органов, занятых имплементацией международных норм.

Статья 15.4 содержится в первой главе Конституции и, следовательно, входит в основу конституционного строя России. Никакие другие положения Конституции, не говоря уж об иных правовых актах, не могут статье противоречить. Содержащееся в статье положение является самой общей нормой, в значительной мере нормой-принципом. Будучи непосредственно действующей, она вместе с тем нуждается в конкретизации, в имплементации.

Конституция России закрепила статус общепризнанных принципов и норм международного права, иначе говоря — статус общего, обычного международного права. В законодательстве СССР, а затем и России речь шла лишь о международных договорах. В конституционном праве и судебной практике различных государств под "общепризнанными принципами и нормами международного права" понимаются принципы и нормы общего международного права, то есть обычные нормы, признанные большинством государств, включая то, в котором они подлежат применению¹⁰.

Статья 15.4 включает общепризнанные нормы и договоры в правовую систему страны. Термин "правовая система" использован для того,

чтобы избежать приравнивания всех международных норм к законодательству. В отличие от законодательства в правовой системе страны международные нормы могут занимать различное положение.

Формула "общепризнанные нормы международного права — часть права страны" опробирована длительным опытом государств и, надо сказать, себя оправдала. Она не породила каких-либо осложнений для национального права. Следует вместе с тем учитывать серьезные изменения в международном праве, происшедшие за последние десятилетия. В прошлом это право не затрагивало национальные нормы, регулирующие существенные внутриобщественные отношения. Иное положение теперь. Достаточно вспомнить, сколь существенно затрагивает само конституционное право международный институт прав человека. Да и другие отрасли международного права стали гораздо ощутимее влиять на национальное право, например международное морское право, экологическое право, гуманитарное право вооруженных конфликтов, международное уголовное право и т.д.

Особого внимания заслуживает роль наиболее важных норм общего международного права, какими являются его основные цели и принципы в национальном праве. Обычно считают, что они относятся к международным отношениям и в национальном праве их роль чисто символическая. Представляется, однако, что это далеко не так. Становясь частью правовой системы страны, эти нормы международного права призваны определить общие цели и принципы ее внешней политики. В пользу такого предложения свидетельствует и конституционное право, в котором соответствующие международному праву цели и принципы внешней политики находят все более существенное отражение. Как известно, основные принципы международного права были конституционно закреплены в качестве принципов внешней политики СССР, а затем и РСФСР.

К сожалению, в новой Конституции России положения о целях и принципах внешней политики отсутствуют. Многие конституции не содержат глав о внешней политике, но не известны случаи исключения из них ранее принятых положений такого рода. В правовом государстве и внешняя политика должна быть правовой. В Обращении Президента Б.Н.Ельцина к Федеральному Собранию говорится: "Основа нашего внешнеполитического курса — общепризнанные принципы и нормы международного права"¹¹. Все это, на мой взгляд, дает основание для вывода о том, что общепризнанные цели и принципы международного права являются целями и принципами внешней политики Государства Российского.

Продолжая рассматривать положение, занимаемое общепризнанными нормами в правовой системе России, необходимо отметить особый статус международных норм о правах и свободах

человека. Есть основания предположить, что они стоят по крайней мере на уровне конституционных норм.

Согласно Конституции, "в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией" (ст. 17.1). О том же свидетельствует и положение, согласно которому "перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина" (ст. 55.1). Из этого следует, что и сама Конституция не может ограничить общепризнанные права и свободы, главным источником которых является международное право. Расширение комплекса общепризнанных прав и свобод на международном уровне влечет за собой соответствующие перемены в национальном праве без необходимости издания каких-либо актов. А это свидетельствует о совершенно новом уровне взаимодействия международного права с правом конституционным.

Если ситуация с международными нормами о правах человека определена со значительной полнотой, то о положении иных международных норм в правовой системе страны этого сказать нельзя. Поэтому полезно обратиться в данном случае к зарубежному опыту.

Здесь обнаруживаются два основных подхода. В судебной практике государств, в основном из числа тех, которые восприняли формулу "международное право — часть права страны", применяются нормы общего международного права в той мере, в какой они не противоречат законам страны. Такова, например, практика Великобритании и США¹². Ее заимствовали и некоторые другие государства, например Израиль¹³.

Новые европейские конституции придерживаются иного подхода. Наиболее четко это сформулировано в Конституции ФРГ: "Общие нормы публичного международного права будут составной частью федерального права. Они будут обладать приоритетом перед законами и будут непосредственно создавать права и обязанности для жителей федеральной территории" (ст. 25). Такой подход присущ и другим государствам Европы. Конституция Италии 1948 года предусматривала, что "итальянская правовая система соответствует общепризнанным принципам международного права" (ст. 10.1). Это общее положение было конкретизировано Кассационным судом следующим образом: "...преобладающие принципы, вытекающие из необходимости обеспечить существование цивилизованных государств... требуют, чтобы итальянское внутреннее право соответствовало обычному международному праву..."¹⁴.

Именно этот подход был воспринят и некоторыми бывшими союзными республиками СССР. Например, в Декларации о государственном суверенитете Украины 1990 года сказано, что Республика признает "приоритет общепризнанных норм международного права перед нормами внутригосударственного права". Аналогичное положение содержит и Декларация о восстановлении государственной независимости Грузии 1991 года.

Думается, что российская правовая система также могла бы перенять такого рода подход, отвечающий тенденциям развития конституционного права. Но пока у нас нет оснований утверждать, что это уже свершилось. Конституция включила в правовую систему страны и общепризнанные нормы, и договоры. Однако приоритетное применение в отношении закона оговорено лишь относительно правил договора. Подобное решение явно игнорирует опыт других стран и не совсем обосновано в международно-правовом отношении.

С международно-правовой точки зрения трудно понять, почему общепризнанные нормы обладают во внутреннем праве более низким статусом, чем нормы договорные. Правда, аналогичная ситуация существует и в США. Однако в тех сравнительно редких случаях, когда конституция на равных основаниях включает общепризнанные нормы и договоры в право страны, логично устанавливается приоритет и тех и других в отношении противоречащих им положений внутреннего права¹⁵.

Государства по-разному решают вопрос о введении в национальное право общепризнанных норм, с одной стороны, и договоров — с другой. Общепризнанные нормы международного права устанавливают общеприемлемые правила и не порождают каких-либо сложных коллизий в национальных правовых системах. Иное дело международные договоры. Они могут вносить конкретные и далеко идущие изменения в национальное право, затрагивать самые delicate вопросы: от материального бремени и военных обязательств до ограничения суверенитета государства. Поэтому для их принятия и включения в национальное право устанавливается особая процедура. Вспомним, какие острые дискуссии возникают не только в парламентах, но и среди всего населения страны при обсуждении вопроса о ратификации некоторых договоров. Порой вопрос выносятся на референдум. Все это не свидетельствует в пользу одинакового порядка включения общепризнанных норм и договоров в правовую систему страны.

Более того, договоры бывают разные. Помимо межгосударственных существуют межправительственные и межведомственные. Их статус во внутреннем праве не может быть одинаковым. Едва ли можно предположить, что правило межведомственного соглашения обладает приоритетом применения в отношении правила закона.

Попытка уточнить содержащуюся в Конституции России норму была предпринята при подготовке Закона о международных договорах РФ. Но без особого успеха. Принятый Думой законопроект ввел лишь одно уточнение: непосредственно действующими в Российской Федерации будут положения лишь официально опубликованных договоров (ст. 5.3). Разумеется, все виды международных договоров включаются в правовую систему страны, если они содержат пригодные для этого нормы. Что же касается приоритетного применения правил договора в случае их расхождения с правилами закона, то, надо полагать, это может относиться лишь к ратифицированным договорам. Такое мнение находит подтверждение в законопроекте о международных договорах, который предписывает обязательную ратификацию договоров, предусматривающих иные правила, чем содержащиеся в законе (ст. 15.1 "а").

Положение Конституции о приоритетном применении договора в случае его расхождения с законом нельзя понимать как полный примат договора в отношении закона. Смысл этого положения в том, что если невозможно путем толкования согласовать содержание правил договора с правилами закона, то в данном конкретном случае подлежат применению правила договора. Однако это не отменяет нормы закона: она подлежит применению во всех случаях, когда не противоречит договору. Речь идет как бы об исключении из правил закона, устанавливаемом договором. Такое положение, разумеется, вовсе не исключает заключение договоров, требующих внесения изменений в законодательство. В законопроекте о договорах эти случаи различаются. Ратификации подлежат договоры, исполнение которых требует а) изменения действующих или б) принятия новых федеральных законов, а также договоры, в) устанавливающие иные правила, чем предусмотренные законом. Изложенное мнение подтверждается и практикой других государств¹⁶. В свете сказанного едва ли можно безоговорочно согласиться с мнением тех юристов, которые полагают, что в России "в иерархии источников международные договоры находятся на втором после Конституции месте"¹⁷.

Закрепленное в Конституции положение о том, что в случае расхождения договора и закона применяются правила первого, стало общей нормой правовой системы страны. Оно не применимо лишь в отношении самой Конституции. В законопроекте о международных договорах предусмотрено, что ратификация договоров, требующих изменения отдельных положений Конституции РФ, возможна только после внесения соответствующих поправок в Конституцию (ст. 18).

Не совсем ясен вопрос о соотношении договоров и конституционных законов. Конституционный закон принимается в особом порядке и

стоит выше других законов (ст. 76.3 Конституции). Тем не менее он относится к категории законов, а не к Конституции. Думается, однако, что при решении конкретных вопросов нельзя не принимать во внимание особый статус конституционного закона. Немногим поможет нам в решении данной проблемы и зарубежный опыт. Так, во Франции одни авторы полагают, что, будучи частью конституции, органические законы подлежат применению в случае расхождения с международными договорами, другие утверждают обратное¹⁸. Показательно, что практика в этом вопросе отсутствует. Думается, что и в нашей стране вопрос едва ли возникнет в практическом плане.

* * *

Кроме уже отмеченных, еще некоторые статьи Конституции России предписывают руководствоваться общепризнанными принципами и нормами международного права: при предоставлении политического убежища (ст. 63.1), при осуществлении юрисдикции на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне (ст. 67.2), при гарантии прав коренных малочисленных народов (ст. 69).

Вместе с тем в других случаях, когда было бы уместно вспомнить о международном праве, оно обходится молчанием. Так, к совместному ведению Федерации и ее субъектов отнесено выполнение только международных договоров, а не норм международного права вообще (ст. 72 "о"). А как же быть с защитой прав и свобод человека, которая должна осуществляться согласно общепризнанным нормам и которая отнесена к совместному ведению Федерации и субъектов (ст. 72.1 "б") ? Президент определяет основные направления внешней политики в соответствии с Конституцией и федеральными законами (ст. 80.3). А международное право?

Недостаточное внимание к международному праву уделяется в нормотворческой деятельности разных уровней. Указ Президента о порядке законопроектных работ не предусматривает экспертизы на соответствие международному праву¹⁹. Ни слова об этом и в утвержденных правительством правилах подготовки ведомственных нормативных актов²⁰. Между тем именно на стадии подготовки нормативных актов должны решаться вопросы их соответствия не только национальному праву, но и международным нормам.

Отмеченная ситуация едва ли может вызвать удивление. Достаточно полное отражение международного права в Конституции, не говоря уже о правовой системе в целом, — дело не одного дня. Важно то, что наметилась общая тенденция к более внимательному отношению к международному праву. Так, в Законе РФ "Об обороне" сказано, что "оборона организуется и осуществляется в соот-

ветствии с международным правом Конституцией Российской Федерации..." (ст. 1).

Не определен в Конституции РФ и механизм контроля за соответствием национального права международным обязательствам страны. Конституционный суд решает лишь дела о соответствии Конституции "не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации" (ст. 125.2 "г"). Формулировка весьма неточная. Договор может быть "не вступившим в силу" несмотря на то, что Россия выразила окончательное согласие на его обязательность, например, путем ратификации. В таких случаях отказ от договора возможен лишь в соответствии с международным правом, а не на основе национального закона. В определенной степени отмеченная неточность уменьшена Законом о Конституционном суде РФ. Закон также содержит выражение "не вступившие в силу договоры". Однако из него следует, что имеются в виду договоры, которые еще только подлежат ратификации парламентом или утверждению правительством (ст. 89.1). Об этом свидетельствует и положение о последствиях признания договора не соответствующим Конституции. Он "не может быть ратифицирован, утвержден и не может вступить в силу для Российской Федерации иным образом" (ст. 91.2).

Как мы видели, запрос о конституционности может иметь место лишь в отношении договоров, подлежащих ратификации парламентом или утверждению правительством. Между тем не все межведомственные соглашения впоследствии утверждаются правительством. Представляется, однако, что вопрос о конституционности такого рода соглашений едва ли может возникнуть.

Закон не наделил Конституционный суд правом решать дела о соответствии норм национального и международного права. Думается, что это, тем не менее, не лишает его права определять такое соответствие, если это необходимо при решении дела о конституционности договора. В сложившихся условиях сами правоприменительные органы в конкретных случаях решают данный вопрос.

Подтверждение тому можно найти в практике других государств. Конституционный совет Франции не раз указывал, что он не вправе решать о соответствии закона международным обязательствам страны. Однако это не препятствует другим судам рассматривать такого рода вопросы, когда они возникают при решении конкретных дел. В принятом в 1986 году решении Совет подтвердил, что "именно различные отрасли государственной власти, действующие в пределах своей компетенции, должны обеспечить осуществление международных договоров"²¹.

Конституция России содержит положение, получившее распространение в конституционном праве Европы: "Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и

передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации" (ст. 79). В целом это положение носит декларативный характер, поскольку даже при его отсутствии государство было бы вправе участвовать в упомянутых объединениях. Смысл вышеуказанного положения заключается в выражении государством готовности во имя сотрудничества идти вплоть до передачи части своих полномочий межгосударственным объединениям, а также в установлении, что подобное участие не противоречит Конституции. Было бы более правильно сказать о передаче не самих полномочий, а их осуществления.

Из приведенного положения следует, что участие в объединениях недопустимо в случае ограничения прав человека и противоречия основам конституционного строя. Однако, как уже отмечалось, ратификация договора, расходящегося с любым положением Конституции, возможна лишь после внесения в нее соответствующих изменений. Разница лишь в том, что если затрагиваются основы конституционного строя, то изменения вносятся в особом порядке.

Таковы, на мой взгляд, основные вопросы, относящиеся к проблеме взаимосвязи Конституции России и международного права. Почти каждый из них заслуживает самостоятельного изучения. А некоторые существенные вопросы (например, вопрос об участии субъектов Федерации в международно-правовых отношениях) не были рассмотрены из-за ограниченности объема журнальной статьи.

Все ранее сказанное позволяет сделать вывод о том, что Конституция России заложила политико-правовые основы для осуществления коренных перемен в характере взаимодействия страны с внешним миром. Начата перестройка правовой системы государства на основе учета его национальных и интернациональных интересов в условиях расширяющегося взаимодействия с международным сообществом. Активизируется участие правовой системы России в процессе глобализации внутреннего права государств и интернализации, доместикации международного права. В результате достигается более высокий уровень цивилизованности правового регулирования в стране и повышается эффективность международного права.

Подчеркивая значение Конституции России для совершенствования правового регулирования на национальном и интернациональном уровнях, нельзя не учитывать, что сделан хотя и важный, но тем не менее лишь первый шаг в нужном направлении. Для того чтобы заложенный в Конституции потенциал проявил себя, мало

принять даже самые хорошие законы. Необходимо поднять на новый уровень международно-правовое сознание нашего общества, и прежде всего тех, кто непосредственно занят правотворчеством и правоприменением. Было бы, однако, неправильным ожидать, будто это возможно без достижения более высокого уровня общей моральной и политико-правовой культуры, которая мыслима лишь как последовательно интернациональная. Народ должен реально осознать себя частью мирового сообщества, с которым связаны его исторические судьбы. Отмечу особую роль внешних факторов в развитии международно-правового сознания нашего общества, прежде всего уважительное отношение других государств к международному праву, а также к законным интересам России. Хочется надеяться, что Десятилетие международного права ООН сыграет свою роль в решении отмеченных задач, которые являются общими для всех стран и народов.

---

¹ Сотрудник МИД Франции П.Оливер, анализируя Конституцию своей страны, пишет: "Из статей 54 и 55 при их совместном прочтении следует, что договоры превалируют над законами, но уступают самой Конституции". См. Oliver P. The French Constitution and the Treaty of Maastricht// International and Comparative Law Quarterly. — 1994. — Part 1. — P.2.

² Annuaire de l'Institut de Droit International. — Vol. 65-II. — P., 1994. — P.319.

³ Кашкин С.Ю. Смена цивилизации и конституция: формирование ее глобального идеала//Государство и право. — 1992. — № 11. — С. 41.

⁴ См. Indiana Journal of Global Legal Studies. — 1994. — Vol. 1. — Issue 2.

⁵ Дмитриева Г., Лукашук И. Международный принцип демократии// Международная жизнь. — 1992. — № 11—12.

⁶ Известия. — 1990. — 22 нояб.

⁷ Выступая на открытии Совета Федерации, Президент Б.Н. Ельцин говорил: "Закончилось время, когда наша страна чувствовала себя осажденной крепостью и находилась в конфронтации с остальным миром. Наша задача сегодня — наладить действительно широкое и равноправное сотрудничество с мировым сообществом" // Российская газета. — 1994. — 12 янв.

⁸ Российская газета. — 1993. — 24 июня.

⁹ Российская газета. — 1994. — 12 янв.

¹⁰ См. Лукашук И.И. Международное право в судах государств. — СПб., 1993. — С.138.

¹¹ Российская газета. — 1994. — 25 февр.

¹² Решение Тайного совета по делу Chung Chi Cheung v. The King// Appeal Cases. — 1939. — P. 168; решение Верховного суда США по делу Paquete Habana//U.S. Reports. — Vol. 175. — P. 700.

¹³ См. *Selected Judgments of the Supreme Court of Israel*. — Vol. VII. — Tel Aviv, 1988. — P. 32.

¹⁴ Решение по делу "Колорни против военного министерства" // *International Law Reports*. — 1950. — No. 138.

¹⁵ В статье 28.1 Конституции Греции 1975 года читаем: "Общепризнанные нормы международного права, а также международные конвенции с момента их одобрения законом и вступления в действие в соответствии с их постановлениями будут составной частью внутреннего права Греции и будут превалировать над противоречащими им положениями этого права". Отмечу, что лишь конвенции, одобренные законом, становятся частью права страны и наделяются приоритетом в отношении внутреннего права.

¹⁶ Кассационный суд Франции определил, что в случае конфликта между правом Сообщества и французским законом применяется первое, однако это вовсе не значит, что соответствующий закон отменяется, он просто не применяется. См. решение по делу Жака Фабра/*Revue trimestrielle de droit europeen*. — 1975. — P. 336.

¹⁷ Иванов С.А. Применение конвенции МОТ в России в переходный период // *Государство и право*. — 1994. — № 8 — 9. — С. 72.

¹⁸ *International and Comparative Law Quarterly*. — 1994. — Vol. 43. Part 1. — P. 2—3.

¹⁹ *Собрание актов Президента и Правительства РФ*. — 1993. — № 3. — Ст. 170.

²⁰ Там же, № 31. — Ст. 2857.

²¹ *International and Comparative Law Quarterly*. — 1994. — Vol. 43. Part. 1. — P. 9 — 10.